

Рафаэль Дамиров

ЗОНА МОЛЧУНОВ

Рафаэль Дамиров
Обитель выживших. Том 3
Серия «Обитель выживших», книга 3

<https://litres.ru/74330529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди перестали быть людьми. Они не говорят, не чувствуют боли, не ищут еды. Только идут на любой звук и убивают. Их называют молчунами, и никто не может объяснить, что произошло. Нет вируса, нет привычного заражения. Есть лишь пустые города, страх и новое правило: чем тише ты себя ведёшь, тем дольше проживёшь.

Максим Беркутов, опытный оперативник, спасает случайных людей и собирает вокруг себя выживших. Его группа сталкивается с бандами и полчищами молчунов, шаг за шагом продвигаясь к разгадке происходящего. Они пытаются остановить «тишину».

Но вскоре становится ясно: у этой катастрофы есть источник. И тот, кто стоит за ней, опаснее любых мародёров и самих молчунов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18

Рафаэль Дамиров

Обитель выживших. Том 3

Глава 1

В палатке сидел ребёнок.

Мальчик лет трёх, не больше, — в шортиках и футболке с выцветшим мультяшным мишкой. Он таращился на меня со смятого спальника — взмокший, с прилипшими ко лбу светлыми волосёнками.

— Мама? — сказал он.

Мы застыли. Чего угодно я ожидал за этим пологом — трупов, затаившегося молчуна, — но только не этого.

— Нет, брат, — выговорил я, приходя в себя. — Не мама. А где же она, твоя мама?

Мальчик не ответил — только захлопал глазами и задумчиво сунул палец в рот.

В палатке стояла духота, как в парнике: солнце за день накалило тент, и как малец тут не сварился — одному богу известно. Я осторожно подхватил его под мышки и вытащил наружу. Он не заплакал и не стал вырываться — обмяк у меня в руках, лёгонький, горячий, как батон из печи.

Искра тут же отобрала его у меня. У изголовья спальника нашлась початая бутылка воды. Она поила его маленькими

глотками, то и дело отнимая бутылку, хотя малец тянулся за ней обеими руками, и жилка на его тонкой шейке дёргалась от каждого жадного глотка.

— По чуть-чуть, маленький, по чуть-чуть, — приговаривала она. — А то вывернет.

Пока она отпаивала найдёныша, мы обшарили лагерь.

Картина выходила странная. Следов борьбы не было никаких: ни крови, ни стреляных гильз, ни отпечатков босых ног молчунов. Вещи лежали по местам, посуда сложена у кострища, а в дальней палатке обнаружился целый продуктовый склад — от круп до пятилитровых бутылей с водой. А над кострищем, на перекладине, висел котелок с супом — остывшим, но, похоже, сваренным недавно: плесени не заметно, да и кислого духа над ним не витало.

Будто люди просто встали, собрались и дружно ушли. Все разом. Оставив еду, вещи и трёхлетнего ребёнка в закрытой палатке.

Филин подошёл к котелку, приняхался, макнул палец, облизал, выждал пару секунд — а потом взял котелок за дужку и преспокойно отхлебнул через край.

— Ты что делаешь?! — опешила Искра. — А вдруг суп отравлен? Вдруг они все от него померли?

— Тогда где они? Если бы померли — тела бы здесь лежали, — резонно возразил Филин, вытирая губы. — А тел нет. Стало быть, ушли своими ногами. И суп, кстати, не испортился ещё. Перловка с тушёнкой. — Он причмокнул. —

Вкуснятина. Тыщу лет жиденького не ел.

Я собрал у кострища всех на совет. Вопрос стоял простой: что делать дальше?

— Я так скажу, — начал Филин. — Тут есть еда и вода, палатки со спальниками — всё, что нужно, чтобы выжить. А у нас ничего не припасено теперь. Предлагаю собрать всё это добро и валить отсюда. Здесь оставаться опасно: мы ведь не знаем, что случилось с прежними жильцами. А ну как оно и с нами случится?

— А куда нам идти? — устало возразила Искра, качая мальчика на коленях. — Мы сутки на ногах. Я уже не помню, когда в последний раз спала на мягком, ела горячее. Надо остаться. Хотя бы на ночь. И подождать, может, хотя бы мать малыша вернется.

— Остаться — риск.

— А тащиться по лесу с грузом на закорках, не зная куда, — не риск?

Она свела брови и вообще смотрела сердито, почти яростно.

— Так, стоп, — вмешался я, пока спор не перешел в крики. — Искра права. Мы остаёмся. Подождем тех, кто разбил этот лагерь. Не исключено, что они еще сюда вернутся.

— А если не вернутся? — не сдавался Филин. — Тем более, мы не знаем, что это за люди. Надо уходить.

— А ребёнка куда? — спросила Искра.

— Что значит — куда?

— Ну, если валить отсюда — ребёнка куда девать?

— А какое может быть «куда»? Оставим здесь. Не с собой же его тащить!

— Ты что, с ума сошёл?! — Искра прижала мальчишку к себе, будто Филин уже тянул к нему руки. — Как можно эту кроху здесь оставить? Он же умрёт! Умрёт с голоду один! Изверг...

Казалось, в самой Искре, лихой байкерше, сейчас проснулось что-то материнское.

— Я все понимаю, но сейчас мы сами на грани... — пожал плечами Филин. — Это лишняя обуза. Его корми да на себе таскай. А случись столкнуться с молчунами — он разорётся на весь лес и всех их на нас соберёт. Вот об этом ты думала, добренькая? Нет. Это исключено.

— Да как у тебя язык поворачивается...

— Всё, закончили, — оборвал я. — Никто никого не оставляет, потому что никто никуда не уходит. Остаёмся здесь. Во-первых, всем действительно нужен отдых. Во-вторых, надо дождаться людей. Посмотрите вокруг: лагерь обжитой, припасы на месте, суп в котелке. Сигналка поставлена. И главное — ребёнок. Мать не могла просто взять и бросить своего ребёнка. Что-то явно их заставило уйти, и срочно — но они могут вернуться. Мать обязательно должна вернуться за своим дитем, и скоро. Подождём.

Никто не возразил. Филин покряхтел, но спорить со мной не стал — только высказал пожелание: дежурым, мол, по оче-

реди, и на ночь сигналку проверить. Впрочем, это обсуждению и не подлежало, привычный порядок нового мира.

До сумерек обустраивались: перетрясли палатки, разогрели суп, поели, наконец, горячего. Малец умял полмиски — оголодал, бедолага, — а на вопрос «как тебя зовут, боец?» только шмыгнул носом и опять спрятал палец во рту.

Вечером я сидел у костра и смотрел, как Искра возится с найдёнышем: умывает тёплой водой и сооружает ему из спальника гнездышко поближе к огню. Но мальчишка не отлипал от неё ни на шаг — ходил следом, держась за штанину, и она то и дело опускала руку, чтобы взъерошить ему макушку. А когда он начал клевать носом, Искра подхватила его и села к костру с ним.

Рядом со мной присел Ефим и тоже долго глядел на них.
— Ловко у тебя выходит, — сказал он Искре. — Будто всю жизнь с детьми.

— Какое там, — отмахнулась она, не оборачиваясь, а в голосе проскользнула тоска. — Своих у меня так и не появилось. Не успелось как-то.

— Какие твои годы, — хмыкнул Ефим. — Молодая совсем. Родишь ещё.

— Родишь, — невесело усмехнулась Искра. — Как можно рожать, когда мир катится к чёрту? В этот ужас — ребёнка? Нет уж...

— А вот тут ты не права, дочка, — Ефим покачал головой и подбросил в костёр ветку. — Не права. Женщине от при-

роды предназначение дано, и никакой конец света его не отменяет. Ты вот подумай: сколько на человеческом веку было войн да моров — а человечество живёт. Почему? Да потому что бабы наши и в самые страшные годы рожали — в землянках, под бомбёжками. Имели на то храбрость, понимаешь. Иначе никого из нас тут не было бы. — Он помолчал. — Так что верь в лучшее. Всё у тебя ещё будет, дочка...

— Может, у кого и предназначение... — начала было Искра и не договорила. Она сидела, глядя в огонь, и машинально покачивала задремавшего у неё на руках мальчишку — тихонько, из стороны в сторону, — А я для своего ребенка такой участи не хочу.

* * *

Леший выскочил из здания исследовательского центра и замер: до машины было не добраться.

Внедорожник стоял посреди двора, всего-то шагах в тридцати, но между крыльцом и машиной колыхалась сплошная масса голых тел. Молчуны лезли в выбитые окна первого этажа, толклись у входа, и на весь этот двор он один был живой мишенью. Спасало то, что его пока не заметили.

Оставался лес.

Леший сбежал с крыльца и рванул вдоль стены к воротам, на бегу срезая редкими выстрелами из карабина кидавшихся наперерез — патроны приходилось беречь, да и шум от этого стоял. Ворота, к счастью, так и стояли распахнутыми. Он

проскочил створки, свернул с дороги и, не останавливаясь, кинулся напрямик, в чашу.

На шум боя к институту стягивались всё новые твари — они выныривали поодиночке и по двое, и Леший то и дело натыкался на них. Одного он свалил выстрелом в упор, другого опрокинул ударом приклада — и бежал дальше, не разбирая дороги.

Он бежал, не глядя под ноги, и в какой-то момент угодил пяткой на скрытую травой кочку, почувствовал, что куда-то съезжает, ступню пронзило жгучей болью, и Леший кубарем полетел на землю. Кое-как поднялся, наступил — и в лодыжке стрельнуло так, что потемнело в глазах. Подвернул всё-таки. Он выругался сквозь зубы и заковылял дальше, привлекая стремительно опухающую ногу.

Очередной молчун вынырнул из-за деревьев шагах в десяти и бросился на него. Леший вскинул карабин, нажал на спуск, но выстрела не произошло. Патроны кончились.

В следующую секунду тварь врезалась в него всем весом и повалила на землю. Карабин отлетел в сторону. Молчун навалился сверху, сильные пальцы искали горло, и в лицо Лешему дохнуло гнилью. Он упирался предплечьем в костлявую грудь, а свободной рукой шарил по земле — и наткнулся на обломанный твердый сук.

Перехватил сук поудобнее и со всей силы воткнул твари в глаз.

Молчун дёрнулся всем телом, обмяк и беззвучно завалил-

ся. Леший спихнул с себя мёртвый груз, с трудом поднялся и, охнув от боли в ноге, захромал вглубь леса.

А молчуны всё не кончались. Они возникали то слева, то справа, и ему приходилось петлять между стволами и забирать всё глубже в чащу. Нога горела, дыхание рвалось. Без оружия, на одной ноге — он и сам знал, что рано или поздно его догонят.

И тут лес расступился: Леший выскочил на старую просеку, в засохшей колее ещё виднелись следы шин. А впереди, между деревьями, блеснул металл.

Внедорожник. Обычный потрёпанный внедорожник, приткнутый в кустах у самой колеи и обложенный со всех сторон ветками. Кто-то, видно, специально припрятал до лучших времен.

Раздумывать было некогда — сзади уже трещал валежник. Леший из последних сил доковылял до машины, рванул дверцу — не заперто! — ввалился внутрь и захлопнул её за собой. Вдавил кнопку центрального замка блокировки дверей. Щелкнуло. Тут же в стекло снаружи ударили ладони.

Он глянул на замок зажигания. А вот ключа не было.

— Твою ж мать... — прохрипел Леший и принялся лихорадочно шарить по салону.

Бардачок — карты, тряпки, больше ничего. Солнцезащитный козырёк — пусто. А молчунов вокруг машины собиралось всё больше: они уже облепили её со всех сторон и скребли по железу, так что машина раскачивалась, как лодка на

волне.

Один из них — здоровый, лобастый — принялся биться головой в боковое стекло, прямо напротив лица Лешего. Удар. Ещё удар. Размазалась кровь, что-то хрустнуло — не то кость, не то само стекло: оно побелело по кромке, пошло трещинами, готовое осыпаться крошкой.

Ещё пара ударов — и оно осыплется целиком.

Леший сунул руку под водительское сиденье, пошарил — пальцы наткнулись на холодный металл. Ключ. С брелоком-фонариком, на потёртом шнурке.

— Есть! — выдохнул он. — Ну надо же... Какие-то лохи ключи в машине бросили. Повезло так повезло.

Он не знал одного. Когда Филин с товарищами уходили от этой машины к институту, ключ под сиденьем они оставили нарочно — таков был уговор: если водитель погибнет, остальные должны суметь вернуться и уехать.

Леший воткнул ключ в замок и провернул. Мотор взревел с полуоборота.

Джип рванул с места, стряхивая с себя молчунов, проломился сквозь кусты на просеку и, вихляя на ухабах, понёсся прочь, в темноту.

* * *

Жизнь в торговом центре понемногу наладилась.

На третий день Кнут, обследуя служебные помещения, набрёл на кабинет директора — и присвистнул. Хоромы были

знатные: кожаный диван во всю стену, стол из красного дерева, а главное — своя душевая комната с накопительным баком под потолком. Электричества не было, зато вода в баке осталась и шла самотёком, и её хватало, чтобы всем по очереди смыть с себя всю подземную грязь. Тут же, в хозяйственном отделе, разжились тазами и порошком, и Дионисий устроил большую стирку.

Еды было вдоволь, воды хватало, спали на диванах из мебельного отдела. После канализации и клетки это была не жизнь — малина.

Одно только тревожило всех — Егор.

Парень менялся на глазах. Ходил смурной, огрызался по пустякам, ел за двоих — и первым слышал всякий шорох: сидит, молчит, потом вдруг бросит: «Там кто-то есть», — а остальные ещё ничего не слышат. По ночам, стоя на дежурстве, он всматривался в тёмные проходы так, будто видел в них что-то своё. Рваная рана на его ноге — недавно она ещё сочилась сукровицей — затянулась гладким розовым рубцом и за считанные дни вдруг резко зажила.

— Ты глянь, — подивился Дионисий, когда Егор в очередной раз менял повязку. — Зажило как на собаке. Даже быстрее. И антибиотики не понадобились.

— Само как-то, — буркнул Егор и торопливо одёрнул штанину.

А вечером он сорвался.

Кирюха, помогая раскладывать припасы, зацепил локтем

пирамиду консервных банок, и та с грохотом рассыпалась по полу. Егор подскочил.

— Ты можешь не греметь?! — рывкнул он так, что малец отшатнулся. — Руки-крюки! Сидел бы и не лез!

Кирюха застыл с открытым ртом, губы у него задрожали. Кнут, сидевший рядом, поднялся, подошёл к Егору и отвесил ему увесистый подзатыльник.

— Ты за базаром-то следи! А ну извинись.

Егор набычился было, сжал кулаки — но тут же обмяк, будто из него выпустили воздух. Провёл ладонью по лицу.

— Извини, Кирюх... — глухо проговорил он. — Извините, мужики. Что-то я в последнее время слишком нервный. Сам не пойму, что со мной.

— Ладно, проехали, — Кнут потрепал насупившегося Кирюху по макушке. — Но за пацаном я слежу, понял? Он мне, вроде как, боевой товарищ.

На следующий день на общем совете решили: нужна вылазка в город.

— Живём как у Христа за пазухой, а обороняться нечем, — рассуждал Кнут, вертя в руках мясницкий нож. — Один нож, монтировка да палки. Придёт стоя — чем отбиваться будем, черенками? Нужно оружие. Настоящее.

— И где ж ты его возьмёшь? — спросил Дионисий.

— А тут неподалёку ментовка есть, — Кнут махнул рукой куда-то за стену. — Квартала три отсюда, я те места знаю. Отдел полиции. А где мусора — там и оружейка. КХО по-

ихнему, комната хранения оружия. Стволы, патроны. Если до нас никто не выгреб — разживемся.

— Вряд ли там что-то осталось, — возразил Дионисий. — Самый центр города. Оружие первым расхватали.

— Все равно проверить надо. Хватить жопы просиживать. Спокойно долго не бывает, уж поверь.

Решили идти вдвоём — Кнут и Дионисий.

— А я с Кириллом посижу, — глухо сказал Егор.

— Посиди, — согласился Кнут и, уже у выхода, придержал его за плечо: — Только учти: за пацана головой отвечаешь. Сорвёшься ещё раз — я тебе ноги заново переломаю.

Егор только кивнул.

До отдела добрались без приключений, дворами — эти места Кнут знал ещё с прежних времён. Трёхэтажное казённое здание с выцветшим триколором над входом встретило их запустением и запертой намертво стальной дверью. Окна первого этажа прятались за толстыми решётками.

— С парадного не зайдём, — заключил Кнут, задрав голову. — Зато смотри, батюшка, какая красота.

У торца здания, впритык к стене, рос старый разлапистый клён. Одна из его ветвей, толстая, как бревно, тянулась аккуратно к окну второго этажа — а на втором этаже решёток уже не было.

— Полезем по деревцу. Я первый, ты за мной. Будешь ме-

ня прикрывать.

— Чем прикрывать-то? — Дионисий приподнял монтировку. — Этим?

— Хоть этим. Ты, главное, по сторонам смотри, пока я с окном возжусь. Молчуны — они подкрадываются мастера. Те еще суки...

Вскарабкались. Ветка держала надёжно, только поскрипывала по стеклу. Кнут добрался до окна, поддел монтировкой пластиковую обвязку — та хрустнула и подалась. Он распахнул створку, прислушался. Все тихо... Тогда он аккуратно перевалился через подоконник внутрь. Следом, пыхтя и краснея, влез Дионисий.

И тут же оба зажали носы.

Внутри стояла устоявшаяся вонь разложения, и в спёртом воздухе гудели жирные зелёные мухи. По коридору второго этажа, среди рассыпанных бумаг и перевёрнутых стульев, лежали тела — голые вперемешку с одетыми в форму МВД. Молчуны и полицейские, кто где упал. Видно было: схватка здесь шла жестокая.

Кнут, зажимая нос рукавом, наклонился над одним телом, над другим — и сплюнул.

— Пустые кобуры. У всех, ну надо же. И магазины из кармашков выдернуты.

— Господи, упокой души рабов Твоих... — пробормотал Дионисий, крестясь на ходу.

— Ты крестись, крестись, только под ноги смотри. Нам

вниз надо, в дежурку. Оружейка всегда при дежурной части.

По заваленной лестнице бочком они спустились на первый этаж. Вот и дежурка, целый отсек под неё отведен, но на пути ждала ещё одна дверь — железная, с врезанным глазком, и она оказалась заперта.

Кнут подёргал ручку, потом забарабанил кулаком.

Тишина.

Он прильнул к глазку. Сквозь линзу изнутри сочился слабый свет — и вдруг этот свет мигнул: за дверью кто-то прошёл.

— Там живой кто-то, — прошептал Кнут. — Зуб даю, мелькнул.

Дионисий отодвинул его и принялся стучать сам.

— Эй! Откройте, пожалуйста! Мы живые люди, слышите? Живые!

— Да что ты выпрашиваешь, — хмыкнул Кнут. — Это ж мусора. Они тебе не откроют. Они и раньше-то не торопились кому-то помочь, а теперь и подавно.

И тут за дверью лязгнул засов.

Дверь приоткрылась, и на пороге встал молодой мужчина в мятой полевке ППС — небритый, с воспалёнными глазами. В руках он держал укороченный автомат, и ствол смотрел точно на незваных гостей.

Кнут поднял руки — и вдруг подался вперёд, вглядываясь в лицо полицейского.

— О, — удивлённо протянул он. — А я ж тебя знаю!

Глава 2

— Да, я ж тебя знаю, — повторил Кнут, ничуть не испугавшись наведенного на него автомата. — Ты тот самый трусливый мент — из группы этого крутого мужика... как его там звали...

— Беркут, — мрачно подсказал Вова, продолжая держать их на мушке.

Говорил он так, будто ему что-то при этом мешало.

— Да-да, Беркут. Тот самый мент, который меня раскусил, что я не врач.

— С чего ты взял, что он мент? — проговорил парень. Он буравил непрошенных гостей злым и колючим взглядом. — Он, вроде, не мент был, насколько я помню.

— Э-э, я ментов за версту чую, меня не обманешь, — ухмыльнулся Кнут. — Он даже больше мент, чем ты. Ну что, так и будешь нас на пороге держать?

Вова подумал несколько секунд, смерил обоих взглядом — и, наконец, опустил автомат и посторонился, пропуская их внутрь. Засов за их спинами он задвинул сразу же, привычным движением.

— Что вам нужно? — устало спросил он.

— Вообще-то нам бы оружием разжиться, — проговорил Кнут, оглядывая помещение дежурной части: казенные стены цвета блеклой зелени, стол с давно умолкшей рацией, ре-

шётчатая перегородка. — А ты тут живёшь, что ли?

— Живу.

Ответы у Вовы выходили односложные. Было заметно, что он не доверял пришедшим и все время был начеку.

— Один? Не страшно?

— Нет тут никакого оружия, — ответил он, помолчав. — Давно уже всё почистили, до меня ещё. Я как пришёл — еле себе автомат раздобыл.

И тут из соседнего помещения донёсся грохот — глухой и дробный, будто по железу разом заколотили десятки кулаков. Дионисий вздрогнул и перекрестился.

— Что это там у тебя? — спросил Кнут. — А говорил, один. Ну ты пушку-то убери...

Вова не ответил. Молча повернулся, взял стоявшую у стены палку и, опираясь на нее, пошёл на звук. Только сейчас Кнут с Дионисием заметили, что он сильно хромает. Они молча переглянулись и двинулись следом.

За дверью открылся коридор «обезьянника» — тесный, с единственной камерой за толстыми решётками. И она была битком набита молчунами.

Их там теснилось десятка полтора — голых, серых, стиснутых так, что не разберёшь, где чья рука или нога. Заслышав шаги и голоса, они всей массой ринулись к решётке и принялись долбиться в неё: беззвучно разевая рты, остервенело просовывая сквозь прутья как можно дальше свои руки со скрюченными пальцами.

— Мать твою!.. — присвистнул Кнут, отступив на шаг. — Это что ж такое? Ты тут с ними, что ли, обитаешь? На хрена? Почему не убьешь?

— Ну а что мне остаётся делать? — спокойно пожал плечами Вова. — Они уже были тут заперты, когда я пришел. Выпускать не стал, пусть сидят. Патроны на них тратить не хочу...

— И не боишься?

— А чего бояться? Они же заперты. — Он смотрел на них равнодушно. — И потом, они у меня вроде сторожевых псов. Если кто-то вломится сюда без разрешения — я их вмиг выпущу.

Молчуны продолжали напирать на решётку, и та тихонько гудела под их телами. Кнут смотрел на это хозяйство и размышлял: не таким помнил он этого щуплого трусливого ППС-ника, который чуть ли не в обморок падал при каждом шорохе. Сейчас перед ним стоял жесткий, уверенный в себе человек. Даже смотрел он теперь по-другому. Что-то явно с ним произошло, что изменило его...

Тут взгляд Кнута, скользнув по голым телам за решеткой, остановился на сером от пыли и грязи полу камеры: там, под босыми ногами молчунов, лежал пистолет. Они то и дело задевали его ступнями, отпинывая с места на место.

— Смотри-ка, — Кнут кивнул на решётку. — У них там, в камере, оружие. Надо бы забрать.

— Да как ты его заберёшь? — отозвался Вова. — Их же

там полно. Я уже пробовал и так, и эдак подцепить — ничего не выходит. — Он вдруг ехидно прищурился и внимательно посмотрел на Кнута. — Хочешь войти? Попробуй. Поглядим, что из этого у тебя выйдет.

— А если перестрелять их? У тебя же есть автомат.

— У меня всего семь патронов, а их там битком. Я уже думал об этом.

Кнут ещё раз глянул на пистолет под серыми ступнями. Вот так задачка. Ствол лежит в двух шагах — а не взять.

“Ладно, — подумал он. — Потом разберемся. Что-нибудь да придумаем. Ведь оружия у нас нет вообще никакого. А тут пистолет бесхозный валяется...”

Они прошли дальше. В соседней комнате размещались столы и пульта с отключенными мониторами, а за ней обнаружилась небольшая каморка — судя по продавленному дивану и электрическому чайнику на столе, в прошлой жизни это была комната отдыха для сотрудников.

— Вот здесь я и живу. Проходите, не стесняйтесь.

Сам он плюхнулся на облезлый диванчик, аккуратно отставил в сторону палку, а автомат пристроил на коленях — не в руках, но и не далеко, чтобы в любой момент схватить. Кнут это сразу подметил. Не доверял им Вовчик. Оно и понятно. Теперь каждый друг другу волк...

— А ты изменился, — сказал Кнут, внимательно разглядывая ППС-ника. — Я ж помню, каким ты был тогда. Вечно тряся, мямлил чего-то себе под нос... Случилось чего?

— Изменишься тут... — невесело усмехнулся Вова. — Когда каждый день на волосок от смерти.

— А что с тобой приключилось-то? Ты же с группой Беркута, вроде, остался. Как так вышло, что отбился от своих? Лицо Вовы разом сделалось каменным.

— Своих? — процедил он сквозь зубы. — Да гори они в аду, эти “свои”. Эта рыжая тварь меня подставила!

— Какая рыжая тварь? — не понял Кнут.

— Та девка из их группы, байкерша. С битой которая ходит. Мы вылазку в город делали, и на нас стая напала. Так вот она решила спасти себя и Беркута, пожертвовав мною. Дала со всей дури мне битой по ноге — и дёру. Молчуны на меня всей толпой накинулись, думал, всё — кранты мне, а она — в другую сторону ускакала. Сука...

Его пальцы, сжимавшие автомат, побелели.

— А-а, так вот почему ты хромаешь, — Кнут кивнул на палку. — А что с ногой-то было? Перелом?

— Да откуда ж я знаю? Может, и перелом. Болела так, что ходить не мог. И до сих пор ноет. Рентген мне тут, сам понимаешь, никто не делал.

— А спасся-то как, если на тебя, раненого, целая стая накинута?

— Лучше не спрашивай. Забился под автобус. — Вова смотрел куда-то мимо них, в стену. — Их целая стая была. Лезли со всех сторон, руки свои под днище совали. А под автобусом люк оказался, канализационный. Пара и зацепи-

ла, морда тоже еле зажила. Я крышку сдвинул и вниз ушёл. Три дня там просидел. Без еды, без воды, с ногой этой. Капли конденсата со стен слизывал.

Он помолчал, и желваки ходуном ходили у него под скулами.

— Потом вылез и вот — добрёл сюда. Нога помаленьку зажила, болит время от времени, зараза, но хоть ходить могу.

— Вон, значит, как... — задумался Кнут. — А где они теперь? Беркут этот со своей группой?

— А хрен их знает, — Вовочка дёрнул плечом. — Да мне и без разницы. Надеюсь только, что когда-нибудь пересекусь с ними. И смогу поквитаться... Со всеми... Они ведь меня за человека даже не считали. Все время издевались, говорили, какой я никчемный.

Он сказал это ровно, но по взгляду было заметно, что внутри у него бушует пламя ненависти. А из-за стены снова загрохотало: сторожевые псы Вовочки напоминали о себе.

Прошло два дня, наступил третий — но в палаточный лагерь в лесу так никто и не вернулся.

Ни мать мальчика, ни прочие обитатели кемпинга не объявились, и надежда на их возвращение таяла с каждой минутой. Да и спокойствие наше было на исходе: в любой момент на огонёк могла пожаловать стая или кто-нибудь из оголо-

давших выживших, бродивших по лесам.

— Я вот что думаю, — сказал за завтраком Ефим. — Надо уходить вниз по реке. Все поселения испокон веку по берегам ставились: держись воды — и на людей выйдешь. А лесом пойдём — заблудимся к чертям, и поминай как звали.

— Пешком вдоль берега долго, — заметил Филин.

— А кто говорит, что пешком? Плот сладим. Река сама понесёт — знай правь.

Мысль всем прилась по душе, и за дело взялись в то же утро.

В хозяйственной палатке среди прочего добра нашлись ножовка, топорик на длинной ручке и целый моток капроновой верёвки — туристы, царствие им небесное или же благополучного пути, смотря по тому, где они всё же, собирались явно основательно. Ефим первым делом повёл нас по берегу и с ходу забраковал три дерева из четырёх.

— Сырое бревно в воде — что уют, — поучал он, постукивая обухом по стволам. — Нам только сухостой нужен. Вот, гляди: кора отслоилась, звенит — это наше.

— Ты как говоришь, будто всю жизнь в глухой деревне прожил, лес валил да рыбу ловил, — пошутил Филин. — Городской же, вроде? Наверняка твое общение с природой-матушкой ограничивалось лишь вылазками на дачу?

— Ну не скажи... — покачал головой Ефим. — Когда помоложе был, и на рыбалку ездил, и в тайгу за шишками да грибами.

— Молодец, дед. Видишь, как оно теперь всё пригождается, а кто бы знал.

— А ты поживи с мое... — деловито прищурившись, ответил Ефим.

Свалили несколько сухих сосен, каждую отмерили метра по четыре и распилили, срезали сучья. Брёвна вышли толщиной с хорошее ведро — не тяжеловесы, но и не хворост. К воде таскали волоком, вдвоём-втроём, и к вечеру первого дня все бревна лежали рядом у самой кромки. Руки отваливались, спины не разгибались — зато материал был готов. Поработали сегодня плотно.

Все следующее утро крепили и вязали. Ефим командовал по-хозяйски: брёвна уложили на два поперечных подтоварника, и он показывал, как тянуть верёвку восьмёркой, с оттяжкой, чтобы узел не полз. Тут же вырубили и пару шестов подлиннее.

Искра же возилась с малышом. Он к ней как-то удивительно быстро привязался. Профессор был на подхвате — подавал, придерживал, путался под ногами и дважды чуть не утопил топорик. Что тут скажешь — человек науки. К хозяйственным делам не приспособлен.

Ночами дежурили по очереди. Иногда ветер колыхал подвешенные банки, и от их звяканья сон слетал мигом, казалось, идёт кто-то. Но обходилось: лагерь стоял тихий, никто не появлялся.

К уходу мы тоже подготовились загодя. Набили три рюк-

зака продуктами и водой, сложили всё, что нашли в лагере: спички, ножи, фонарики, остаток верёвки, котелок да аптечку.

Мальчуган наблюдал за всем этим почти что молча, да и вообще оказался на редкость спокойным. Ходил за Искрой повсюду, как хвостик, держась за штанину, а на руках у неё и вовсе затихал. И всё время молчал. С того первого «мама» в палатке он не произнёс больше ни слова — даже когда к нему обращались, только смотрел серьёзными глазами.

— Откуда ж ты взялся, а? — рассуждала Искра, перебирая его светлые волосёнки. — Кто ты такой? Почему тебя одного здесь бросили? Как они могли, сволочи?

Малец в ответ только молчал, то и дело засовывая палец в рот.

Профессор понял, что в нашем деле от него толку мало, и переметнулся к Искре, помогать с ребенком да картошку чистить.

Мальцу особенно понравились очки Слободского, которые он каждый раз пытался сдернуть у того с носа, когда профессор наклонялся к ребенку или брал на руки. Но ни разу они ещё ему не достались, каждый раз ученый ловко, хотя и с некоторой тревогой на лице, уклонялся.

* * *

К вечеру второго дня работы плот был почти готов. Оставалось спустить его на воду. Мы с Филином как раз подтя-

гивали узлы, Ефим помогал — и тут в кустах за лагерем слышался шорох.

Мы насторожились и притихли.

— Показалось, поди, — шепнул Ефим.

Конечно, когда долго ко всему прислушиваешься, то может быть и такое, а всё-таки мы затихли и выждали. Шорох повторился — и теперь он был ближе.

— Нет, не показалось, — проговорил я вполголоса, чтобы слышали только Филин и Ефим. — Значит так. Живо. Как планировали: сгребаемся и уходим.

— Так мы ж еще не закончили, — обеспокоенно проговорил Ефим. — Надо проверить, выдержит ли нас.

— Поднимаемся, — скомандовал я. — И к берегу. Искра — за мной, надо забрать вещи из палатки.

Стараясь не шуметь, мы прихватили рюкзаки и оружие и двинулись к воде. Профессор взял малыша на руки и засеменял следом. Я подбежал к Филину и Ефиму — помочь спустить плот. Он у нас сразу стоял на бревнышках.

— А ну навались! — скомандовал я и поддел шестом, как рычагом.

А кто-то тем временем добрался до «сигналки».

— Молчуны! — выдохнула Искра.

По лагерю рассыпалось звяканье банок, и на несколько секунд всё стихло: твари встали, как вкопанные, сперва не понимая, откуда звук, где искать его источник. Потом за деревьями затрещало снова, и стая попёрла прямо на палатки.

— Крайнее бревно не держится! — прошептал Филин, налегая на бревно коленом. — Узел не дотянули!

— Вяжи как есть! — прошипел Ефим, накинул петлю поверх, дёрнул на себя. — На живую! Потом перетянем!

Общими усилиями плот всё-таки столкнули, но крайнее бревно так и осталось прихваченным наспех.

Мы покидали поклажу. И тут неожиданно малыш засмеялся.

Звонко, на весь берег — что-то его, видно, позабавило, то ли самые разные вещи в одной куче, то ли плеск волн. И молчуны разом взяли звук: треск за палатками сорвался в топот, и на берег из зарослей высыпали серые фигуры. Их с каждой секундой становилось все больше.

— На плот! — крикнул я, уже не таясь. — Быстрее!

Мы позапрыгивали на брёвна, я схватил шест — молчуны уже подбегали к воде.

— О господи! Кто знает, они плавать умеют? — испуганно проговорила Искра, прижимая к себе мальчика.

— Вроде бы, нет, — ответил я, упирая шест в дно. — Сейчас узнаем точно.

Я оттолкнулся что было сил, и плот пошёл от берега. Молчуны посыпались в воду следом. Они лезли всё дальше, тянули к нам руки, бредя уже по пояс в воде, затем по грудь, а первые, кто сунулся на глубину, начали захлёбываться. Плавать они всё-таки не умели. Но вместо того, чтобы повернуть назад, они упрямо лезли за плотом — и тонули один за дру-

гим, беззвучно уходя под воду.

Несколько тварей успели-таки вцепиться в край плота, и пришлось сбивать их шестами, молотя по пальцам, по головам, пока течение не подхватило нас всерьёз и не оторвало от мелководья.

А потом мы заметили ещё одного.

Он плыл следом за плотом по-собачьи, ходко, уверенно выгребая против волны.

— Посмотрите, — прошептал профессор. — Это же человек. Наверняка человек: молчуны ведь не умеют плавать.

— Что ты городишь? — перебил Филин. — Какой, на хрен, человек? По-твоему, нормальный человек будет разгуживать голым посреди стаи в лесу?

— Но взгляните: он плывёт вполне осознанно! У него рефлекс человека!

Пловец тем временем приблизился, и мы разглядели его лицо. И засомневались: не было в этом лице ни привычного остервенения, характерного для этих тварей, ни жуткого оскала, ни напрочь опустевшего взгляда — обычное, почти человеческое лицо.

— А глянь, и вправду, вроде, человек, — проговорил Ефим, прищуриваясь, и шагнул тихонько ближе, к краю плота, чтобы получше рассмотреть пловца.

Мы замедлились, подгребая шестами. Пловец подошёл к плоту вплотную, уверенно ухватился за бревно и стал подтягиваться. Я протянул ему шест — помочь.

— Эй! — окликнул я его, но в ответ тишина.

И он тут же оскалился и вцепился в шест зубами и обеими руками. Намертво, как бульдог.

— Сука! Да никакой это не человек! — Филин подскочил ко мне и со всей силы ткнул в него своим шестом. — Тварь это!

Я дёргал шестом, пытаюсь стряхнуть молчуна, но хватка у того была железная — челюсти не разжимались. Филин бил своим шестом ему в голову — раз, другой, со всей силы, — и только с третьим таким ударом молчун обмяк, разжал зубы и ушёл под воду.

— Что же это было? — выдохнул Филин, переводя дух. — Плавающий молчун. Ещё и кусается. Что ж это за тварь такая? Они ведь не кусались?

— Такое впечатление, что они меняются, — сказал я, глядя на расходящиеся по воде круги. — Ну или это какая-то другая их разновидность... Вспомните альф: они ведь тоже появились не сразу. Возможно, это какой-то новый подвид.

— Если так, то дело плохо, — сплюнул в воду Филин. — Кусачих нам еще не хватало...

* * *

Молчуны остались далеко позади. Река несла нас вниз по течению, помалу сужаясь и набирая ход, и вот плот затянуло в боковое ответвление.

— Толкай! — крикнул я Филину и сам навалился на шест,

но без толку. В основное русло мы не попали. И скоро на воде то тут, то там стали появляться валуны, между которыми приходилось маневрировать.

— Ого, — проговорил Филин, вглядываясь вперёд. — Пороги. Надо бы к берегу прижиматься, уходить с середины.

Но не тут-то было. Река несла нас, волокла плот со всё большей мощностью, его бросало из стороны в сторону, им становилось сложнее управлять, шесты уже не помогали.

Первым сдало крайнее бревно — вязаное второпах. Наспех накинутая петля сползла, бревно заходило ходуном, стукаясь о соседние, потом стало отставать, и в щель между брёвнами захлестала вода. Следом ослаб и второй узел: плот на глазах превращался из настила в связку расползающихся брёвен. То ли мы плохо связали, то ли плот был не рассчитан на такие экстремальные похождения.

— Ну всё, хана нам, — проговорил Филин, показывая вперёд. — Видите камень? Сейчас об него долбанёт — костей не соберём. Как в воде окажемся — гребите все что есть силы к берегу!

— А что делать с ребёнком? — испуганно спросил профессор. — Он-то точно не плавает.

Искра глянула на одного, потом на другого — и, ни слова не говоря, выхватила из рюкзака тряпку, обмотала ею малыша и плотно привязала его к себе, к самой груди. Малец не пискнул — только вцепился ручонками в её куртку.

Плот снова швырнуло, в этот раз прямо на камень. Мы

устояли, но он рассыпался у нас прямо на глазах: брёвна расходились, верёвки ползли, вода била снизу в каждую щель. Еще немного, и он развалится полностью, а мы окажемся в воде.

И тут мы почувствовали толчок.

В брёвна, глухо лязгнув, намертво вцепился железный крюк на тросе — и нас потянуло к берегу.